

ЛЕБЕДЬ НАВСЕГДА

Независимая газета.
1999. — 2 нояб. — с. 7

Лучшая Одетта—Одиллия Москвы вернулась на сцену

Майя Крылова

ПОСЛЕ двухлетнего перерыва, вызванного рождением сына, на сцену Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко вновь вышла его прима-балерина Татьяна Чернобровкина. Очередное «Лебединое озеро» в связи с этим воспринималось как премьера: в главной партии — одна из лучших Одетт—Одиллий России. На Чернобровкину специально ходят ценители — на «Жизель», «Дон Кихота», «Эсмеральду», «Корсар», «Шопениану»... Многочисленные поклонники и друзья таланта Чернобровкиной — те, кто за эти годы часто звонили в театр, спрашивая, когда же наконец вернется в искусство их любимая балерина, — аплодировали на спектакле так, что временами не было слышно музыки.

Об этой роли Чернобровкиной критика писала: «Ее исполнение достойно войти в перечень совершенных хореографических трактовок всех времен и народов». Балерина действительно делает роль по-своему: ее Одетта не похожа на ранимо-беззащитную девушку-лебедя Улановой или на замкнутую — Семенову так же, как и на экзальтированную героиню Плисецкой. У Чернобровкиной доминирует смысловое равновесие: трагизм совмещается с просветлением, а покорности обстоятельствам столько же, сколько протеста. Она не навязывает зрителям никаких трактовок — каждый может поставить собственные акценты в этом потоке лирических эмоций...

— Тания, вы танцевали «Лебединое озеро», «Умиряющего лебедя», «Лебединую песню». Прослеживается сквозная тема: раненый лебедь как метафора...

— Мне очень нравятся лебеди, по-моему, это самая красивая птица. Я часто наблюдала за ними, пыталась понять секрет их особенной грации в воде: как работают крылья, как изгибается шея... Все «лебединые» балеты строятся на образе девушки-птицы, поэтому некоторая схожесть с настоящим лебедем не должна быть буквальной, ее необходимо трансформировать в нечто иное. Добавить сценической женственности...

— Наверняка вы видели много разных исполнительниц «лебединых» ролей в балете. Кто вам особенно запомнился?

— «Умиряющий лебедь» Ульяны Лопаткиной. У нее особо выразительные руки. И, конечно, исполнение этой же роли Майей Плисецкой. Ее «Лебедь» был первым, который я увидела, когда мы вместе выступали на гастролях в Японии в 1986 году. Майя Михайловна очень хорошо ко мне отнеслась, помогала советами. Она лишь мне разрешила станцевать балет «Кармен» и показывала на репетициях, как лучше делать отдельные жесты в дуэтах с Хозе. Причем она настаивала, чтобы я танцевала эту роль по-своему, говорила: «Хорошо, что ты не похожа на меня».

Одетта — Татьяна Чернобровкина.
Фото Вадима Лапина

— Вы любите бравурные роли типа Кармен или Китри в «Дон Кихоте». Неоднократно говорили в интервью, что не считаете себя лирической балериной. А критики, наоборот, превозносят ваши лирико-романтические роли, несколько прохладнее относясь к другим партиям...

— Да, я знаю. И мне это кажется странным. Видимо, я чувствую одно, а зрители видят другое. Но субъективно мне легче вертеться в фуэте и делать третий акт «Лебединого», где действует демоническая Одиллия, чем танцевать второй и четвертый акты, где я ощущаю, что мне как бы «не хватает рук»: они не так певучи и выразительны, как должно быть у Белого Лебедя. Поэтому мне было особенно приятно прочесть отзыв местных критиков о гастролях в Испании: там написали, что у меня в «Дон Кихоте» испанский темперамент.

— В начале вашей карьеры вас опекала Марина Тимофеевна Семенова...

— Да. И это были счастливые мгновения моей жизни. Семенова готовила меня к Международному конкурсу артистов балета в Москве, где я получила третью премию. Не так давно я танцевала на вечере в ГАБТе в честь 90-летия Марины Тимофеевны.

Это было па-де-де Одиллии и принца. Очень жаль, что не репетировала с ней «Лебединое озеро»: у меня был другой педагог Татьяна Легат, и по этическим соображениям я не могла это сделать.

— В свое время вас лично звал в Большой театр сам Григорович. Но вы отказались по совету Семеновой: она сказала вам, что в ГАБТе вы будете в десятом составе...

— И она была права. Я совершенно об этом решении не жалею, хотя, когда я об этом говорю, мне не верят. С моим небожцовским характером я бы в ГАБТе не смогла сделать карьеру. А в нашем театре у меня все в по-

рядке, ничего не приходится пробивать. Главное — у нас хорошая атмосфера, я не ощущаю зависти. Сам факт, что меня в свое время пригласили в Музыкальный театр Маргарита Дроздова и Галина Крапивина, тогда ведущие балерины, — говорит сам за себя.

— Чего вам не хватает в творчестве?

— Более разнообразного репертуара. К сожалению, у нас в театре не идет ни «Спящая красавица» (ее я танцую только на гастролях), ни «Баядерка». Мечтаю станцевать Балanchина. Раньше хотела попробовать и балеты Бориса Эйфмана, но теперь они меня меньше интересуют: в них слишком много повторов одного и того же. И я не отказалась бы и от совсем неожиданной работы — пусть будет что-нибудь ультрасовременное. Исполняет же знаменитая французская классическая балерина Сильви Гилем постановки Уильяма Форсайта...